

ЛИЧНОЕ ДЕЛО
ГОСПОДИНА
МУРАО

Даша
Завьялова

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Mooze art, NatalyaDDD, sandykot, Oleh Chap /
Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com /
FOTODOM

Художественное оформление *Анны Кроник*

Иллюстрация на обложке *мунташпена*

Завьялова, Даша.

3-13 Личное дело господина Мурао / Даша Завьялова. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-215705-9

Арисима Эмилия, девушка с японскими, русскими и немецкими корнями, ищет свое место в обществе, где чужакам не очень-то доверяют. Работа редактором сводит ее с известным писателем Мурао Кэньитиро: он поручает ей разыскать женщину, связанную с его собственным давним преступлением. Простая просьба оборачивается настоящим расследованием.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Завьялова Д., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215705-9

*Все описанные события являются
художественным вымыслом.
Исторические и национальные вопросы
лишь служат декорациями для сюжета,
и автор не ставит целью давать
им точную оценку
или выразить политическую позицию.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Говорят, большую часть преступлений против женщин совершают их знакомые, — сказал господин Мурао. — Мне больно вспоминать, но однажды таким знакомым стал я сам. Эмико, я отдельно прошу вашего прощения. Моя история слишком некрасива, чтобы рассказывать ее девушке, но, видимо, придется.

Эмико — это я. Родилась я в Европе, и меня назвали Эмилией, но перед войной, в тринадцатом году Сева¹, я переехала в Киото и стала звать-ся так, как привычнее местным. Впрочем, о себе я еще успею рассказать. Сейчас достаточно мало-го: в доме писателя Мурао Кэнъитиро убили служанку, пожилую женщину, — и он попросил меня и моего приятеля Кадзуру о помощи в расследовании.

По каким причинам Мурао не полагался на полицию, нам только предстояло узнать, но начало разговора неприятно удивило меня. Неужели у та-

¹ Здесь и далее для удобства даты приводятся по западному летосчислению: 1938 год.

кого скромного, обходительного человека есть подобные истории в прошлом?

— Ничего страшного, господин Мурао, — сказала я, решив не спешить с выводами. — Я ведь с детства дружу с Кадзуро, а значит, постоянно слушаю некрасивые истории. А еще порой глупые, жестокие и грязные — он так их любит.

Кадзуро засмеялся.

— Моя, к сожалению, именно из таких, — сказал Мурао и тут же прервался: к нашему столику подошла официантка.

Мы сидели в кафе на первом этаже рекана¹ в Накаге² — почти напротив дома писателя. Он здесь, видимо, часто бывал. От меня не укрылось, какими улыбками они обменялись с девушкой: это было нечто большее, чем вежливость между гостем и персоналом. Официантка была молоденькая и хорошенькая, а сам Мурао... тут и говорить нечего: в его трогательно-печальный образ были влюблены десятки девушек. Внешностью он походил на Камэду Киндзи в фильме, что вышел в прошлом году³, только Мурао носил аккуратную бородку с усами, как было принято у европейцев.

Почему для этой беседы он выбрал меня, я пока не понимала. Наше знакомство было не очень-то

¹ Р е к а н — традиционная японская гостиница.

² Н а к а г е — район в северной части Киото.

³ Имеется в виду фильм «Идиот» (1951), где роль Камэды (князя Мышкина) играет Мори Масаюки.

близким. Я работала младшим редактором журнала «ДзEMON», где мы печатали исторические исследования, эссе и мемуары пожилых жителей префектуры. Года два назад господин Мурао публиковал у нас очерки об истории японского языка. Потом он перешел на любовные романы, но сохранил связи в редакции — и порой приходил повидаться с моим начальником, господином Иноуэ. В один такой визит Мурао заметил меня благодаря западной внешности. Ему было любопытно, застала ли я немецкую оккупацию, на каких языках говорю, как хорошо знаю японский и чем собираюсь заниматься в будущем. Оказывается, он, хотя и слушал вроде бы вполуха, все-таки запомнил меня. От этого просто сердце замирало: мне позавидовало бы немало девушек! А еще, как я надеялась, тесное знакомство с Мурао могло бы поднять меня в глазах начальника.

— Восемнадцать лет назад, в девятом году¹, я совершил поступок, который нельзя оправдать. Вы уже догадываетесь, какого характера была обида, которую я нанес Наоко — так звали ту девушку. Но я тогда не считал себя преступником. Может быть, и она не считала. Вот как было дело: я в те годы уже опубликовал несколько рассказов в «Кумияма Симбун»...

Краем глаза я увидела, что Кадзуру записал название газеты в блокноте.

¹ 1934 год.

— ...и меня можно было назвать набирающим популярность, — продолжал Мурао. — Иногда, хотя и не очень часто, девушки сами приходили ко мне домой. Я считал это как бы естественным следствием известности. Наоко, как и другие, не была против близких отношений. Или мне тогда так казалось? Не знаю. В общем, все это могло бы остаться в прошлом как ужасное недопонимание, но в этой истории была и кровь.

После того, что случилось, Наоко молча встала и пошла в сторону ванной комнаты. Девушка набрала в ковш воду и стала обливаться... Мне было все видно, потому что ширмы уже отправились в новый дом — я должен был вот-вот переехать и вывез почти все, кроме предметов первой необходимости.

Так прошла минута-другая. Потом она обернулась, ища то ли полотенце, то ли свою одежду, и поскользнулась на каменном полу: деревянные маты, как и прочие вещи, уже увезли. Она замахала руками, быстро, как утопающая, потому что старалась сохранить равновесие, но все равно упала. Сейчас, после стольких лет, мне кажется, что она не издала ни звука.

Я быстро подошел и стал всматриваться в тело на полу — оно лежало без движения. Вода еще не ушла, и в луже расплывалась красная дымка. Не помню, сколько я так смотрел на нее, но за все это время у нее не дрогнула ни одна мышца. Может

быть, если бы у меня был телефон, я позвал бы на помощь — а уж потом жалел об этом решении или радовался ему. Но за помощью нужно было идти, и я медлил. Я думал: а если она обвинит меня? И имею ли я право рассуждать об этом вместо того, чтобы помочь?

Стыдно говорить, но я сбежал. Быстро оделся и пошел куда глаза глядят. Я бродил под дождем, пока не оказался у храмового комплекса Рокуон¹. Думал, что, если вернусь и найду ее в том же состоянии, выйду на улицу снова и найду врача. Если умрет — скажу полиции, что вышел подышать, а душ она стала принимать после моего ухода...

— Проще было бы переждать это время дома и притвориться, что она умерла сразу, — сказал Кадзуо. — Кто поверил бы, что вы оставили девушку, а сами ушли?

— Кровь, — догадалась я. — Ее было слишком много, чтобы списать на мгновенную смерть. Ведь у мертвых кровь не идет. Врач понял бы, что девушка умирала долго, а вы просто сидели и наблюдали — значит, вам нужно было уйти из дому...

Мурао кивнул:

— Кроме того, я уже потом сообразил, что меня мог видеть кто-то из знакомых. Значит, я сразу должен был сказать полицейским, что выходил подышать.

¹ Рокуон — храмовый комплекс на севере Киото.

Даша Завьялова

— А когда вы вернулись, девушка исчезла? — спросила я.

— Да. Как вы догадались?

— Если бы девушка умерла, дело закрыли бы как несчастный случай, и вряд ли сейчас вы вспомнили бы о нем в связи с убийством. Если бы вы все-таки вызвали помощь, когда вернулись, дело решилось бы миром — или, наоборот, вас судили бы, но такого не случилось. Значит, она ушла сама.

— Все верно. Вы умело идете от противного. Этот способ оставляет мало возможностей ошибиться.

— Вы запомнили мое эссе?

— Я выбрал вас благодаря ему.

В начале этого года открылся книжный клуб, где Мурао стал председателем и куда мы с Кадзуру немедленно записались. Несколько дней назад писатель предложил желающим набросать эссе о том, каким должен быть детектив. Мы даже обсуждали группой, почему вдруг он выбрал такой жанр, ведь сам он был автором любовных романов. Кадзуру предположил, что книги для женщин легче писать и проще продавать, а настоящие интересы Мурао лежат в области детективов. Но, оказывается, эссе отсеивало негодных на роль его помощников.

— В вашей работе мне понравилось именно это рассуждение. А ваш товарищ, — он посмотрел на Кадзуру и слегка наклонил голову, — приятно поразил меня убеждением, что все люди скорее

дурны, чем хороши, и при расследовании стоит исходить из этого. Правда, я искал только одного человека, которому мог бы довериться. Но кое-кто из группы сказал мне, что вы дружите, — и я уж больше не сомневался, что стоит попросить о помощи вас обоих.

— Спасибо за доверие, господин Мурао. Да, мы с Кадзуру вместе росли и неплохо думаем на двоих, — сказала я. — Пожалуйста, продолжайте. Что случилось потом?

— Я еще около часа метался по дому как безумный и проверял укромные места. Думал, что она доползла до какого-нибудь закутка и там умерла.

Я попыталась представить дом, в котором все случилось. Наверное, это была старинная кематия, такая, в какой я живу сейчас с тетей. Но там и закутков особенно нет — одни полупустые пространства, перегороденные ширмами. Вот ведь как Мурао испугался, выходит, раз весь вечер обходил дом!

— И все эти годы вы ничего не слышали о девушке. — Кадзуру делал записи в блокноте. — Ни до войны, ни... да, кстати, а где вы были во время войны?

— В Сингапуре. И еще в Индонезии¹.

Я повернулась к Кадзуру и сделала большие глаза.

¹ Во время Второй мировой войны Япония вела в этих регионах военные действия.

Месяц назад, на праздник Хиган¹, мы все вместе — он с родителями и я с тетей Кеико — отправились на кладбище привести в порядок могилы родных, а потом сели немного поесть. Как это часто бывает, разговор зашел о войне. Хотя она закончилась семь лет назад, люди постарше реагировали на эту тему по-разному — и нас не раз предупреждали, чтобы мы не обсуждали ее вне дома.

Но Мурао сам уточнил:

— В самом конце войны, фактически по дороге домой, я познакомился на Хоккайдо с женщиной, у которой в Харбине погиб муж. Остался жить у нее, а в Киото бывал по делам — редкими наездами.

— Я просто хотел понять, почему нападение произошло через столько лет, — сказал Кадзуру. — Решил, что вы, должно быть, не жили в Киото.

— Так и есть: я вернулся сюда несколько месяцев назад.

Я спросила:

— Вы думаете, что та женщина выследила вас после возвращения в Киото, решила отомстить за давнюю обиду — и по какой-то причине начала с прислуги?

— Я уверен в этом, — ответил Мурао. — Поэтому мне нужна помощь даже не в расследовании,

¹ Х и г а н — буддийский праздник, в день которого посещают кладбища, приносят туда цветы и пищу, делают уборку.

а прежде всего в том, чтобы узнать ее адрес. А уж с ним я пойду в полицию.

— Но почему не рассказать следователю про Наоко? Я уверена, ее адрес нашли бы в два счета.

— Я бы хотел, чтобы расследование прошло потише и побыстрее. Газетчики сейчас публикуют чуть ли не все, что известно следствию, — я слежу за криминальными колонками и, к несчастью, часто такое наблюдаю. Представьте, что я сообщу полиции, почему подозреваю Наоко, — пока ее будут искать, весь город будет обсуждать историю, которую я вам рассказал!

Какой-то резон в его словах был. В то время действительно пресса допускалась так близко к делу и публиковала так много, что нередко это мешало расследованию. Я подумала, однако, что стоит все-таки поразмыслить над доводами Мурао.

— А других врагов у вас нет? — спросил Кадзуру.

— Мне кажется, я скорее нравлюсь людям. — Мурао с улыбкой посмотрел на меня. Я смутилась, а он продолжил, слегка наклонившись к нам через стол: — Кроме того, я все-таки уверен, что покушение связано с той историей. Ведь прислуга была убита ударом в висок, раздета и уложена на пол душевой.

На несколько секунд за столиком установилась тишина. До того, как господин Мурао озвучил эту деталь, я готова была сомневаться, что причи-